

Я НЕ ПЬЮ КОКА-КОЛУ

– Эй, парень, ты потерял...

Это мне? Я развернулся. Девушка держит кожаную перчатку и смотрит на меня. Проверил карманы: точно моя!

– Спасибо большое! Задумался.

Смотрит на меня, глаза смеются.

Падает снег. Знаете, пушистый такой, медленно и редко. Декабрь и солнце. День чудесный. Пушкин, извини за плагиат. Минус пять максимум.

Она одета в розовую куртку. Волосы у нее черные и кудрявые. Просто кипа волос! Цвет кожи смуглый. Смотрит на меня и улыбается. На нос ей приземлилась снежинка. Она вся искрится, сверкает. Губы приоткрыты, яркие. Не пойму: это макияж такой или она такая и взаправду? Брови соболиные, в них тоже искрятся снежинки. Глаза... глаза огромные... карие... теплые...

Она поворачивается и уходит. Я смотрю ей вслед. Раз, два, три... Резкий выдох:

– Девушка, я провожу вас немного...

– Это вопрос или утверждение?

– Это констатация просьбы.

Она смотрит на меня, а я улыбаюсь как придурок.

– Нет.

Я уже не улыбаюсь. У меня взгляд обманутого ребенка. Обиженного ребенка. Ребенка, сфотографированного за секунду до того, как он заплачет.

– Э-э, мистер, я пошутила. Немножко можно.

Бывают же чудеса, правда? Иду рядом и украдкой ловлю ее фрагменты: маленькие пальцы с ногтями без маникюра, ямочки на щеках, когда она улыбается, непослушный завиток шелковистых волос на лбу, ее сережки рябиновые.

Как это все важно для меня! Это все впечатывается в память, выжигается навечно.

О чем-то говорим. Чтобы решиться сказать хоть что-то, мне надо сделать резкий выдох. Воздух проходит через мой сломанный нос с присвистом. Я волнуюсь, я заикаюсь. А вы как думали? Не каждый день встречаешь женщину, свою женщину. Не каждый год встречаешь женщину. Не каждую жизнь встречаешь свою женщину.

Какое-то кафе. Мы уже сидим за столиком. Она снимает черный свитер, который был под розовой курткой. На ней черная декольтированная футболка, на которой горят золотые цепочки, что на ее шее.

– Ты что будешь?

– Мне кока-колу.

– Мне то же самое.

Я завязал свою трубочку узлом и пью глотками. Она смеется. Она трогает меня за руку. Я засучил рукава водолазки, и она трогает меня за голое волосатое мое предплечье. Я стараюсь не показывать вида, хотя в точке соприкосновения разряд в 220 прошивает навывлет. Она не чувствует, вот, дотронулась опять.

Не каждый день
встречаешь женщину,
свою женщину.
Не каждый год
встречаешь женщину.
Не каждую жизнь
встречаешь свою
женщину.

Я вроде успокоился, контролирую дыхание, рассказываю ей какую-то историю. Мои истории – мое оружие. Слова вылетают стихами, рифмуются. Она слушает. Я пою как сирена, как птица Гамаюн, как Орфей, как... Слушай меня, девочка. Язык поет песни, а глаза, независимыми девайсами, смотрят-смотрят. У нее маленький рот, губы одинаковой толщины, хищный восточный вырез, ослепительные зубы, породистые ноздри, огромные миндалевидные глаза, перламутровый белок, карий, почти черный зрачок. Хрусталик глаза сияет бриллиантом. Я мечтал о такой всю свою жизнь, с момента рождения. Душу, родину, друзей, Тараса Бульбу. Что еще продать за нее?

Мы стоим у ее подъезда. Оторванные металлические перила.

- Я пошла.
- Да-да, конечно.
- Но мне правда надо идти.
- Иди.
- Все, пока. Я тебе позвоню.
- Пока.

Мы не поцеловались. Я испугался все испортить. Я уже давно ни с кем не целовался.

Мои уже все спали. Они знают, что раз в неделю я прихожу поздно. Они свыклись, что мне хоть чуть-чуть нужно одиночество. Я постарался их не будить.

Ожил, завибрировал сотовый.

- Знаешь, сегодня мне было так хорошо с тобой. Правда.

Боже мой, какой у нее голос! Еще никогда ни один голос за мою 28-летнюю жизнь не проникал в меня так глубоко.

Вы когда-нибудь прыгали в воду с большой высо-

ты? Когда ты смотришь на воду сверху вниз, это не то же самое, как смотреть в профиль. Сверху вниз страшнее. Ты стоишь у края. Собираешься. Потом делаешь движение. А потом... потом от тебя уже НИЧЕГО НЕ ЗАВИСИТ. Как же я любил прыгать в море с высоты! – Знаешь... а я не пью кока-колу. Совсем.

Я вытащил сим-карту из сотового и бросил ее в унитаз. Смыл воду. Вышел и закрыл за собой дверь в ванную. Открыл детскую и посмотрел на спящих детей. Потом прошел к себе, разделся и лег, стараясь не разбудить жену. Опять поднялся, прошел в коридор, достал перчатки из карманов. Скомкал их и выбросил в мусорное ведро.

Знаешь, мне никогда ни с кем не было так хорошо, как с тобой сегодня. И не будет... и уже не будет.

НОКАУТ

Все случилось на 2-й минуте 3-го раунда. По крайней мере, мне так сказали. Я-то не помню ничего. Даже того, что потом Рашид Каюмович рассказывал.

Говорит, принесли меня в раздевалку, а я в отключке полной. Ну, он бегает вокруг, по щекам меня лупит, подсовывает под нос нашатырь. Видит: вроде оживаю. Ресницы захлопали, задышал, а потом глаза открыл.

Сижу, головой вокруг вожу, как бычок, с интересом все разглядываю. А потом и спрашиваю у него, у Каюмовича:

- Где я?
- Что значит «где»? Ты хорош прикалываться, Данила. Где? Во Дворце спорта ты, да.
- Да? А что я тут делаю?
- Ты чего, издеваешься, да? – А сам аж закипает, ну, дагестанец, да, кровь горячая. – Соревнования тут проходят, понял, да!
- Какие соревнования?
- По боксу, твою маму, да! – А сам, как потом говорил, никак не врубится, что я не соображаю ничего. Думал, смеюсь. Уже хотел перемочить мне по челюсти.
- А что я тут делаю?
- Ты – боксер. Ты выступаешь, точнее, выступал.
- Я – боксер? Ну ни хрена себя! – А сам на руки свои смотрю, а на них перчатки боксерские. – И вправду – боксер!

- Слушай, ты меня доведешь шас! Мало того, что, как лох, словил от этого придурка, так еще и разыгрываешь тут из себя спящую принцессу, да! – Каюмович аж закипел.

Мужики, а я честно – не помню. Помню, как маму мою зовут, как папу. А остальное – как стерли из головы!

Тут женщина какая-то в раздевалку залетает, плачет и ко мне кидается. Я на нее киваю и спрашиваю Рашида Каюмовича:

- Слышь, Рашидик, а это кто?
 - Ты чего, Данила, это ж жена твоя, Наташка!
- Смотрю я на тетку эту, а она потрепанная какая-то, жирная, грудь четвертого размера болтается бесформенно, подбородок двойной.
- Дая, ты как? Голова болит?
- Как там Каюмович ее назвал? Наташа? Йоханный бабай! Имя-то какое ужасное! И это чудовище – моя жена? Это все я не вслух, конечно.
- Все хорошо.

Да, блин, замечательно! Эта тетка меня тормошит, как массажер, у меня в голову все отдает! Больно! А потом на эту дуру вблизи посмотрел, и вообще – так погано стало, хоть волком вой!

Тут доктор, слава богу, подошел, отогнал бабу эту. В глаза мне фонариком светит, пульс щупает. А Рашидик, маленький, прыгает вокруг и кричит ему:

Там было, в общем-то, неплохо: умные врачи, строгие медсестры, болезненные уколы, молочный супчик, рис с кусочком курицы... с ма-а-аленьким таким кусочком. Скажу честно, когда приехали меня забирать оттуда, то было хуже.

– Э-э, доктор, сделайте что-нибудь, а то я сейчас этого больного ударю больно! Издевается он, да!

Похлопотал доктор, вроде чуть полегчало, даже не тошнит уже. Тут дверь в раздевалку отворяется, и двое детей каких-то врываются, орут:

– Папа, папа!

Страшные какие-то, сопливые! Я на тренера, на Каюмовича, смотрю украдкой, а он на меня – так подозрительно, с интересом. Ну, я так руки и приподнял, типа, привет. Дети эти как бросятся ко мне!

Не понял что-то. Это что – мои? Блин, а-а-а! Уродливые какие! Пацан этот, с соплей под носом, смотрит так на меня и говорит:

– Папа, ты упал так здорово! У тебя аж ноги подлетели! Я в школе завтра расскажу всем, мне никто не поверит!

А девочка такая страшненькая, облезлая как-кая-то, мне:

– Папа, у тебя голова болит, да?

Тут опять это тетка жирная прорвалась, сграбастала их, орет:

– Дети, папе плохо. Дайте ему отдохнуть!

А потом была больница. Там было, в общем-то, неплохо: умные врачи, строгие медсестры, болезненные уколы, молочный супчик, рис с кусочком курицы... с ма-а-аленьким таким кусочком. Скажу честно, когда приехали меня забирать оттуда, то было хуже.

А совсем край наступил в первую ночь дома.

Лежу я, значит, в постели, а рядом это чудовище по кличке Наташа. Храпит. Она еще и курит! Запах по всей комнате! И спит с этой голой ужасной грудью наружу! Бр-р-р! Мне снились кошмары!

А еще меня очень беспокоит дочка. Как ее, блин, зовут? Алиса. Ужасное имя! Жена, кстати, сказала, что это я его предложил. Одуреть! Утром, за завтраком перед походом в детский сад, она, смотря мне в глаза, сказала:

– Папа, тебя подменили, да?

Я поперхнулся чаем. Мой сынок, как там его зовут, блин? Стасик. Стасик стал ржать.

Когда все ушли – жена на работу, сын в школу, а дочка в детсад, – стало как-то полегче. Спокойно я чувствовал себя тогда только в одиночестве.

От нечего делать взял кусок ватмана и стал набрасывать пейзаж за окном: полуразрушенную церковь в осаде девятиэтажек. У сына в столе обнаружил акварель и по-быстрому залил карандашный рисунок.

Так потянулись мои унылые недели. Эти дни я мог общаться только с Рашидом Каюмовичем, тренером по боксу. Странно, но его я помнил хорошо. С другой стороны, попробуй забудь этого маленького даргинца веса петуха с поломанным носом и отсутствующими передними зубами, на кавказский акцент которого наложилось боксерское заикание.

С работы инкассатором я ушел: тупая тягомотина! Выяснилось, что в прошлом я никогда не рисовал, и теперь жена подозрительно поглядывала на меня, а сынок за глаза называл Репиным. По-моему, это был единственный известный ему художник.

Вскоре я всерьез стал задумываться о самоубийстве. Эти дети были ужасны! Мерзкие, обезьяноподобные! Ни хрена на меня не похоже! А жена! Это кошмарное животное с вонью табака и рыбьими глазами, торчащим нижним бельем из прорех одежды! Когда она меня касалась, меня передергивало от отвращения! Продолжаться дальше так не могло. Каждый день резал болью.

Только Каюмовичу, сидя вечером в тренерской, я мог рассказать всю правду. Он, как обычно, сразу загорелся. «Зачем, – говорит, – такие слова говоришь? Я ударю тебя сейчас! Понял, да?» И тут меня как осенило!

– Каюмчик, слышь, миленький, ударь меня покрепче, ударь изо всех сил своих кавказских!

– Ты чего, больной совсем, да? Отстань от меня! Ты чего меня провоцируешь, да?

– Ты чего, не мужик, что ли? Не кавказец, что ли? Не из Дагестана, что ли? Не даргинец, что ли,

Когда все ушли – жена на работу, сын в школу, а дочка в детсад, – стало как-то полегче. Спокойно я чувствовал себя тогда только в одиночестве.

папа твой? А помнишь, как я тебя на пост твой мусульманский свинными котлетами накормил? А помнишь, с месяц назад, когда ты мне лапы держал, я промахнулся и в лоб тебе попал?

– А-а! Шайтан! На-а!

Каюмчик, он хоть и маленький, 60 кг всего весит, но удар у него еще тот! Как звезданет мне в челюсть правой своей! Ну, в общем, вырубился я.

Очнулся, Рашидик надо мной с полотенцем. Смотрю, тренерская, вся в рисунках моих... ну, портреты там Каюмовича, пацанов. Вроде нормально.

– Данила, ты прости меня, ты же знаешь, мы, кавказцы, как дети, да!

– Да знаю, знаю, Каюмчик, нормально все.

Иду домой, дверь открыл, а там...

Стоит женушка моя в халатике, толстенная такая, тепленькая. Так я к ней прижался сразу, родной моей! А грудь у нее такая большая, мягкая, так и хочется... Натусик.

– Э-э-эй, стой, окаянный! Ты чего делаешь! Дети же тут!

А дети тут как тут! Бегут ко мне, ручки тянут! «Папа, папа!» – кричат. И Стасик мой – ну вылитый я! Только нос не сломан пока! А Алиса! Имя у нее красивое какое, правда?

Целую я их, обнимаю. Так мне радостно!

Работу я нашел новую. В ресторане французском. Тут ведь история какая... по-французски я говорить и понимать стал после того, как Каюмчик меня по башке треснул. Я, правда, жене не говорю об этом.

Ну и случайно по-французски разговорился с одним, а он рисунки мои увидел, загорелся весь! В общем, управляющий я в его ресторане теперь. По стенам там картины мои вешают. Клиентура вдвое увеличилась. Я сюда Рашида Каюмовича

привел, ну а он – всех родственников своих, односельчан там.

Они сначала с французиком моим не очень. Ну, оба маленькие, черненькие. Рашидик чуть что – сразу:

– Э-э, понял, да? Я сейчас ударю тебя, да!

Ну, потом ничего, даже подружились. Рисовать я не перестал. Вот на днях мне предложили выставку делать свою персональную.

Ну, я не знаю, не уверен. Я тут об этом Каюмчику рассказал, что, мол, сомневаюсь, не думаю, что стоит это того, что рисунки мои понравятся. Да он накричал на меня:

– Слушай, совсем плохой, да? Я сейчас по голове тебе дам, сильно, понял, да? У человека талант, а он – я не знаю, я не уверен! Ты что, не мужчина, что ли? Я, правда, сейчас тебя ударю, да! Ты же по рисованию – красавчик реальный!

Ну, как с ним поспорить? Короче, думаю, что придется делать выставку. Тут придумать название еще нужно к ней. Да что-то в голову не лезет ничего...

